

Елена САВИНА, жена, шеф-редактор информационной службы ТВС: «Он — набор уникальных человеческих качеств, которые в одном человеке ну никак не могут сочетаться. Что такое телевизионщик? Это существо темпераментное, любопытное, склонное к сбору информации. Следующим словом должно быть — открытое. Но нет! Все вышеперечисленное — в наличии, и при этом — совершенно закрытая структура. Как это все там в одну кучу сваливается, я до сих пор не представляю».

✓ С девяти лет его любимым чтением был журнал «За рубежом» — легальный микроскопический «глазок» в монолите железного занавеса, оставленный для страдающих клаустрофобией советских граждан. В журнале «За рубежом» печатали переводы из «их» газет с изложением «их» событий. Никсон и Кеннеди, горячий кубинец Фидель Кастро и английские лейбористы были для Миши Осокина куда более интересными персонажами, чем негсибаемая пионерка Валя с ее трогательной верой в лечебный эффект красного галстука. Кеннеди, Фидель и лейбористы были даже интереснее, чем виртуальные герои для нынешних девятилетних: они не управлялись клавишей, они вроде бы существовали в действительности, но вне реальности, как космонавты на другой планете, они совершали поступки, произносили речи, ездили по миру, внезапно гибли — из номера в номер, из месяца в месяц, но нельзя было заглянуть в конец и узнать заранее, чем все закончится. Зато — отсюда, из нереального для них далека при помощи всего лишь слов и газетной бумаги — можно было однажды понять, зачем они говорят именно эти слова и совершают именно эти поступки. И попытаться предугадывать. Впрочем, я думаю, слова «анализ», «закономерность» и «прогноз» Михаил Глебович Осокин выучил годам к десяти. В крайнем случае — к одиннадцати.

✓ Историка от социопсихолога отличает основной вопрос: «зачем» вместо «почему». «Зачем» отстраняет на панорамное расстояние, позволяет видеть явление, систему, цель и средство. «Историк современности» — феномен: невозможно отстраниться от того, в чем живешь.

✓ Если проводить исторические параллели, второкурники исторического факультета МГУ играли в «броненосец «Потемкин»: поводом к восстанию послужила еда. Вернее, ее отсутствие. Кто был «на картошке» — знает. Историки взбунтовались. Осокин оказался в числе «революционных матросов». Еду привезли. Бунтовщики про бунт забыли. «Картошка» закончилась.

В Москве началась классическая история дознания и «скорого справедливого суда»: ректорат — комитет комсомола — исключение из рядов — исключение из университета. Осокин говорит: ужас, страх, казалось, что жизнь кончена. И тут же добавляет: «Было только один выход — армия». Я спрашиваю: «А когда вы стали искать выход?». Он отвечает: «Было понятно

сразу». Восемнадцать лет, один в городе, 1970 год. Вдох — «жизнь кончена», выдох — «выход есть». К 18 годам невозможно натренироваться держать удар. Это — характер. Лена говорит — генетика.

Лена: «Его интересуют скорее события, чем люди. Ему неинтересно ковыряться в психологии. У него другой взгляд на мир: магистральное направление — с высоты птичьего полета — широкая дорога — вижу цель и бомблю ее».

Генетика включает в себя и наследственный способ работы эмоций. Идеома «трезво оценивать ситуацию» означает «видеть механизм»: людей — и себя в том числе — как часть пейзажа с птичьего полета. Как деталь. Винтик Кеннеди. Шпунтик Кастро. Уходить в армию — колесико Осокин.

— Систему очень легко обмануть. Это только кажется, что все обо всех знают. В армии никто и не поинтересовался, член ли я ВЛКСМ. Под конец службы вступил в партию. В университете восстановили как «искупившего кровью».

✓ Мы пытаемся говорить о власти. Не о нынешней — о власти вообще. Разговор собаки с физиологом Павловым.

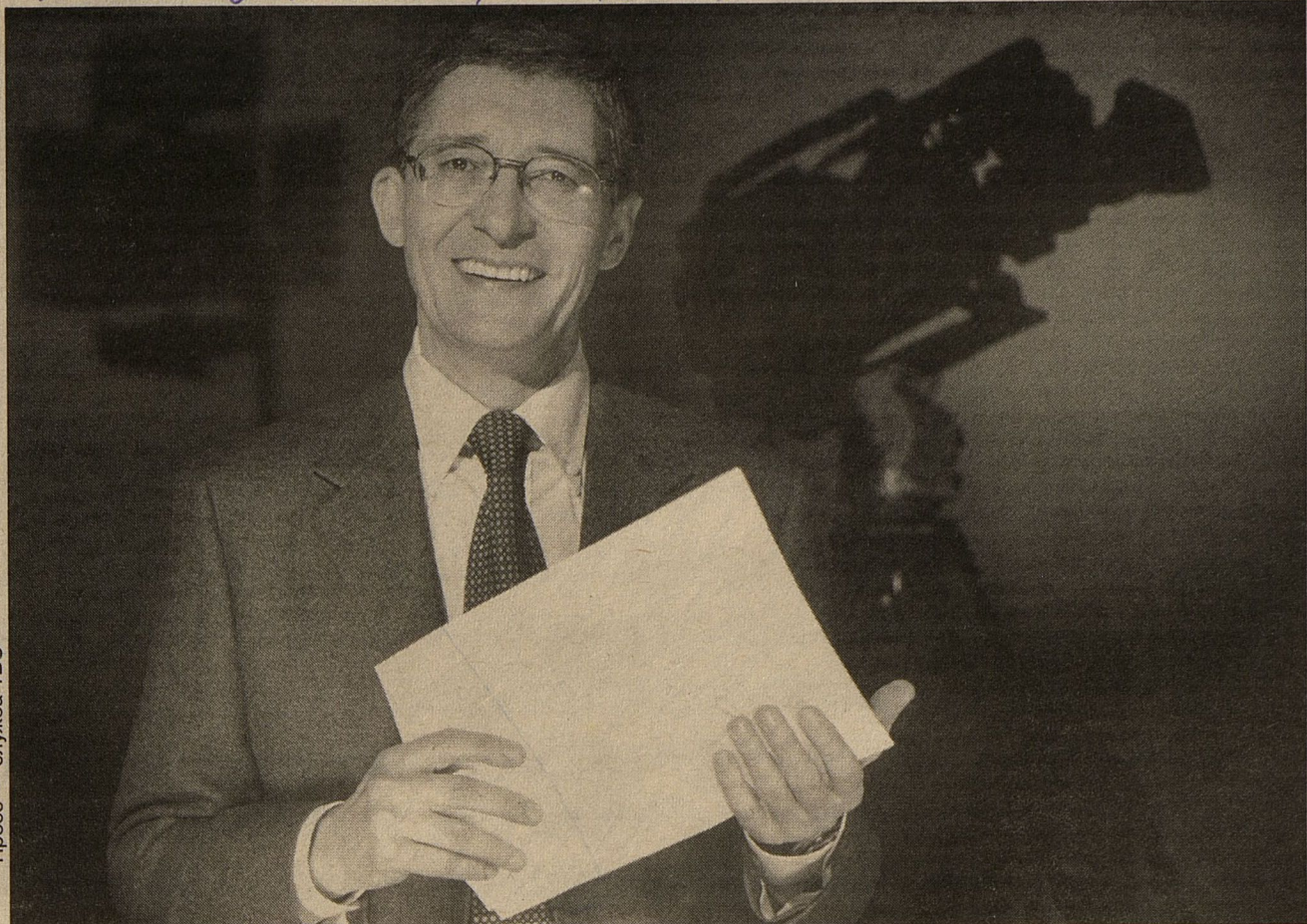
Я: деятели и делатели — Чацкий и Молчалин — бездействие во сохранение идеалов и утрата идеалов в череде компромиссов, необходимых для дела.

Осокин: желание заниматься политикой предполагает наличие одних качеств и отсутствие других — люди с «человеческими» приоритетами не смогут работать во властных структурах; властные структуры необходимы — иначе будет хаос, анархия...

— Но я не вижу в этом ничего трагического. В странах, юридическая система которых предполагает смертную казнь, должны быть судебные исполнители. Палачи. Они нужны — это естественная общественная функция. И мы не должны смотреть на них с отвращением — ну работа у них такая.

Он выдерживает паузу и улыбается. Чуть-чуть. Я хохочу в голос. Ионеско. «Лысая певичка», сцена первая. Говорят, что человек с чувством юмора — это человек, побывавший у края отчаяния: заглянул в бездну и вернулся назад.

В период «борьбы за НТВ» Осокин не делал заявлений и не выступал на митингах. В период «борьбы за ТВ-6» — тоже. Он просто ушел в первом случае и остался — во втором

Пресс-служба ТВС

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Михаил ОСОКИН:

Я не стараюсь что-то изменить. Фотограф. Человек, который фиксирует. Как будто в зоопарке гуляешь и смотришь, что в клетках происходит. А потом стараешься рассказать тем, кто не попал сегодня в зоопарк: чем с утра кормили, кто с кем подрался, кого съели...

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ: «Визуальный образ Михаила Глебовича Осокина у меня такой: мужской туалет на восьмом этаже «Останкино», на подоконнике сидит Осокин и что-то пишет. Вышел покурить и забыл вернуться».

Лена говорит: он совершенно не видит внешних, вещных обстоятельств. Антуража. Ему ничего этого не надо. Комната, в которой мы разговариваем — пенал обшей площадью метров восемь — «самый роскошный» из всех кабинетов, которые были у Осокина на телевидении. До недавних пор он делил ее со Светланой Сорокиной. Пару недель назад за Осокиным закрепили «иностранный кабинет». До этого был раздолбанный «Жигуль». Лена не уверена, что Осокин заметил разницу.

Я думаю: вряд ли аскетизм исповедуется как идея Михаилом Глебовичем Осокиным. Внешние обстоятельства попадают в поле его зрения только тогда, когда становятся частью механизма. Как «английский интерьер» в «Лысой певичке».

Шендерович говорит: если бы во время эфира в студию вошла собака, Осокин бы машинально погладил ее по голове.

Лена: «Он не кричит, он шипит. Когда, например, за час до эфира текст к первому сюжету не готов — потому что человек позволил себе поиграть на компьютере. Такое с людьми случается. Или кассету на эфире перепутали. Может пропустить: «Ж...».

Лена говорит: Осокин — это смертельная работоспособность. Все совершается в положенное время, с точностью неумолимых к себе часов, вне зависимости от канала и названия программы.

Лена: «Работать для него значит — читать, анализировать и доводить это каким-нибудь образом до аудитории. Чемодан, вокзал, Сибирь».

Я думаю: ему проще сделать самому, чем искать крайнего. Вряд ли он прирожденный руководитель. Но если ради работы необходимо руководить — что ж, он «выполняет функции ста человека» и разве что не знает номер машины, выехавшей на съемку.

✓ Когда мы были студентами, мы делили людей «по Гессе» — «люди Бисера» и «люди Волка». Люди чистого интеллекта и люди страсти.

Невозмутимость — первое слово, которое следует за фамилией «Осокин». Не-воз-мутимость суть стремление к прозрачности, холоду и льду.

В детстве он лепил из пластилина сражения. Чем не игра в бисер...

Лена: «Он ухаживал. И еще как! Меня это удивило, я совершенно не была к этому готова, в какой-то момент даже испугалась, когда обнаружила, что у него темперамент есть. Человеческий. Я уверена была, что он замороженный, — он вариантов не оставлял думать иначе. А тут вдруг верхний слой мантии Земли подходит к поверхности и начинает прорываться. Необычный человек, отодвигающий маску, совершенно новый в состоянии влюбленности. Которая его, как и всех, необыкновенно украсила».

У нас был идеальный роман. Идеальный! Юноши и девушки могут брать пример. И в кино ходили, и в театр, и на выставки. И на очень специфические выставки. Например, при Библиотеке иностранной литературы. Первая, на которой мы были вместе, была связана с историей тамплиеров».

Когда он обо мне рассказывает, первым звучит «мотив интеллекта». Как-то, помоложе и поглупее будучи, я его спросила: «А вот если бы я была старая и страшная, ты бы меня полюбил за мой ум?». Осокин ответил: «Нет, молодость и красота — обязательное условие».

Если бы я была мужчиной, я бы позавидовала Осокину. Тому, как о нем говорит жена после 12 лет супружества и совместной работы. Прыгая из тональности в тональность. Первая тональность — ироничная: так они, собственно, между собой и общаются. А вторая...

Лена: «Меня тогда всякие глупые девочки из редакции спрашивали: «Что ты в нем нашла?». Все! Такие бриллианты попадают один раз на сто тысяч километров пустой породы. Он не похож ни на кого из известных мне людей. Знаете, у меня есть такой специальный выходной раз в неделю — когда я встречаюсь со своими друзьями, знакомыми... Так вот к концу этого дня мне его не хватает: а поговорить-то с кем?»

Насчет поговорить. Семейное счастье двух мало-разговорчивых людей — какими они на самом деле и являются — это возможность расползтись по отдельным норкам и не чувствовать себя обязанным к вербальному общению. Лучший стимул для совместной жизни и неувядающих чувств — умение комфортно молчать. Умение оставить человеку право на внутреннюю свободу — быть тем, кто он есть.

Лена: «У Осокина имеются принципы. Он ведь не срывается и не орет не только в силу общей сдержанности характера. Он не может себе позволить оскорблять людей. Не может себе позволить злословить, обсуждать чужую работу. Но! При этом за другими людьми он признает право на любое проявление эмоций и несдержанности. На ту меру свободы или дурного воспитания, которую они себе позволяют.

И это тоже — принцип: полное отсутствие любого шовинизма — бытового, национального, какого угодно. Труднообъяснимые сейчас интеллигентские, сахаровские дела: наций нет, людей плохих-хороших нет».

Я думаю: это счастливо, это редкая, неслыханная удача, когда удалось так выстроиться, чтобы не примирять ежедневно принципы с выкрутасами собственной природы. Когда нет плохих-хороших людей, можно не только об Иоанне Грозном рассуждать: с одной стороны... но с другой стороны...

Историк современности. Наблюдатель. Фотограф. Невмешательство во внутренние дела граждан и государства.

— Хорошо бы еще, чтобы оно — государство — не вмешивалось в твои внутренние дела.

Становясь очевидцем, человек иногда теряет возможность оставаться беспристрастным историком. Нельзя окинуть панорамным зрением самого себя.

✓ — Мы видели, как это произошло. Мы были там, на НТВ, когда пришли люди, сменили охрану... Как именно пришли и сменили. Ужасное зрелище. Это было похоже на изнасилование. Я понял, что невозможно там находиться, даже если потом все будет идеально. Кстати, многие из тех, кто не видел, воспринимали происшедшее вполне отстраненно: ну сменилось руководство, формально даже по закону. Для присутствовавших это была ситуация, когда отстраниться невозможно.

В период «борьбы за НТВ» Осокин не делал заявлений и не выступал на митингах. В период «борьбы за ТВ-6» — тоже. Он просто ушел в первом случае и остался во втором.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ: «Осокин — это камертон. Я человек увлекающийся, эмоциональный. Побурлю, поязвлю, оглянусь — ага, Осокин здесь. Значит, все правильно. Если мы когда-нибудь с Михаилом Глебовичем окажемся в разных лодках — я сильно задумаюсь о правильности своей позиции».

Самым тяжелым периодом Осокин считает время без эфира — между ТВ-6 и ТВС. Не только потому, что из триады, составляющей работу — читать, анализировать, доводить до аудитории, — он был практически лишен последнего.

— До самого отключения ТВ-6 я думал, что на это никто не пойдет. Мы ведь не были никаким оппозиционным каналом, это вообще глупость какая-то — «оппозиционный канал». Мы всегда охотно предоставляли слово представителям власти. Но давали и другую точку зрения. Это нормальное телевидение, как я его понимаю. Просто негосударственное.

Осокин до сих пор уверен: истерическая демонстрация серого поля в эфире к ним, журналистам, не имела отношения. Однако после публичного взаимного позора «хозяйствующих субъектов» он — теперь-то можно в этом признаться — не верил, что лицензия будет получена.

Лена: «Он мне на полном серьезе говорил: «Ну куда-нибудь нас возьмут — вот же дециметровые каналы есть, кабельные». Его совершенно все это не волнует: метр, дециметр, престиж. Лишь бы работать. Честно говоря, я не понимаю, как он пережил этот период, с отлучениями от эфира. Когда трудно, люди начинают спасаться любым мало-мальским творческим даром, которым оделил Господь. Я стихами спасалась. Книгу выпустила. Он — как обычно: чемодан, вокзал, Сибирь. Тихое мужество».

Осокин катастрофически несентиментален: «страх, ужас, боль» — всего лишь полмгновения, на вдохе. А на выдохе уже: «винтик А», «шпунтик Б». Люди-детали и «колесико Осокин» в том числе. С одной стороны и с другой стороны.

У него нет списка «нерукопожатных» коллег. Позицию бывших однокашников по НТВ — «хозяйствующие субъекты» приходят и уходят, мы остаемся, это наш канал» — Осокин вполне понимает. Лихорадку на ТВС рассматривает в фирменном ключе: не могут договориться — нет денег — неравномерное качество программного поля, но! — не могут договориться — не пытаются «рулить» — есть возможность делать качественный информационный продукт.

— В конце концов, мое дело — это именно информация.

Шендерович говорит: Осокин залезает на мое поле, но делает это так по-другому, что я готов жертвовать частью делянки.

Лена говорит: как жаль, что он все еще открешивается от документального кино, это — его.

Я представляю себе осокинское кино: люди-детали смешно кувыркаются в механизме события, такие голые и очевидные без пафосных одежек, детских обманок и самообманок.

✓ А настоящий финал студенческого «картофельного бунта» был таким. Революционный матрос Осокин очень любил вышивать. Гладью. По возвращении из армейской ссылки революционный матрос вышел на стройотрядовской куртке портрет Берии. Так и ходил, с портретом. Берия получился похожий.

● **Алина ЛИСИЦКАЯ**